

Каждый раз при наших встречах в течение более чем трех десятков лет Жорес Иванович Алферов с присущим ему юмором рассказывал интересные истории из своей яркой и очень интенсивной, интересной жизни, и я хочу привести некоторые из этих историй - так, как он сам их преподносил.

Яннис КЕСИСОВ

Окончание.
Начало см. в пред. номере.

«Я думал - Вы сачок»

В Ленинградском Электротехническом институте, где я учился, была прекрасная военно-морская кафедра. Там работало много людей, прошедших войну. Нам прививали особое чувство - этакую морскую косточку - гордость за то, что мы военно-морские инженеры, пусть и запаса.

Самым замечательным преподавателем был капитан 3-го ранга Гаврила Александрович Румянцев. Один наш студент Сева Амонтов был в тот день дежурным по кафедре и перед началом второго часа доложил Румянцеву: «Товарищ капитан третьего ранга, курс к занятиям готов, а ваш любимчик Алферов смылся». И на это он услышал в ответ: «Алферов не смылся, а мною отпущен по уважительной причине. Что касается Вас, Амонтов, в мое время таких, как Вы, называли легавыми и устривали им темную». Курс был в восторге!

Последняя, и весьма знаменательная, встреча с Гаврилой Александровичем произошла у меня в 1957 году. Я уже закончил ЛЭТИ и работал в Физтехе. Тогда была запущена первая комсомольская денежно-вещевая лотерея, чтобы привлечь средства для проведения Международного фестиваля молодежи в Москве. Я с двумя молодыми сотрудниками по заданию нашего комитета комсомола должен был распространять ее билеты среди граждан Ленинграда. Институт выделил нам автомобиль пикап «М-1». На нем мы установили проигрыватель и усилитель и поехали в рабочее время по рынкам города. Был апрель, стояла противнейшая погода - снег с дождем, пасмурно,

кончилась, с меня пот лился градом. И тут Румянцев объяснил, что, так как я все время с занятий отпрашивался, то он решил, что я сачок: «Но теперь вижу, что Ваши знания действительно позволяли пропускать лекции, Вы отличный знаток флотской жизни», и т.д.

После этого случая его приятель ко мне продолжалась все последующие годы. В период, когда мы уже выполняли дипломные работы, я однажды пришел на его лекцию всего на час, а в перерыве вернулся в лабораторию, где шел эксперимент. Один наш студент Сева Амонтов был в тот день дежурным по кафедре и перед началом второго часа доложил Румянцеву: «Товарищ капитан третьего ранга, курс к занятиям готов, а ваш любимчик Алферов смылся». И на это он услышал в ответ: «Алферов не смылся, а мною отпущен по уважительной причине. Что касается Вас, Амонтов, в мое время таких, как Вы, называли легавыми и устривали им темную». Курс был в восторге!

Последняя, и весьма знаменательная, встреча с Гаврилой Александровичем произошла у меня в 1957 году. Я уже закончил ЛЭТИ и работал в Физтехе. Тогда была запущена первая комсомольская денежно-вещевая лотерея, чтобы привлечь средства для проведения Международного фестиваля молодежи в Москве. Я с двумя молодыми сотрудниками по заданию нашего комитета комсомола должен был распространять ее билеты среди граждан Ленинграда. Институт выделил нам автомобиль пикап «М-1». На нем мы установили проигрыватель и усилитель и поехали в рабочее время по рынкам города. Был апрель, стояла противнейшая погода - снег с дождем, пасмурно,

Семьи Алферовых и Кесисовых. Афины, 2009г.

ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ, ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Несколько слов о моем друге Жоресе Алферове

холодно. Начали мы со Светлановского рынка. Переехали на Сытный и, уже изрядно продрогнув, переносились на Андреевский. И вот возле этого рынка я, в кепочке и пальто с поднятым воротником, под звуки популярных песен из проигрывателя зазываю прохожих: «Купите билеты! Купите билеты денежно-вещевой лотереи!». Неожиданно передо мной возникает фигура высокого мужчины. Поднимаю глаза - Гаврила Александрович Румянцев, капитан третьего ранга, мой любимый преподаватель военно-морского дела!

Он выразительно посмотрел на меня и сказал: «Алферов, Алферов... Я Вам прочил блестящее будущее... А Вы...» - «купи-и-те билеты» ... Тьфу!» Сплюнул и пошел дальше.

«Германиевые? А наших не нашлось?»

В начале 53-го года мы сделали первые советские плоскостные диоды и триоды. Бережно храню лабораторный журнал с моей записью от 5 марта об этом историческом событии. В мае 1953 года наши транзисторные приемники демонстрировались высокому начальству. Другая реликвия - отчет по теме «Плоскость», на титульном листе всего 11 фамилий исполнителей в алфавитном порядке, включая механиков и лаборантов.

Так получилось, что первым в этом списке был инженер Алферов, а последним лаборант Чайка, наш замечательный умелец. В свое время его привлекли к разработке довольно сложного метода получения рН переходов в германии, где основной экспериментальной частью были часы-ходики, позволявшие с нужной скоростью двигать небольшую спиральку, которая грела определенную часть германиевого кристалла.

Отчет был принят в октябре 53-го года в Москве - и я, совсем молодой человек, участвовал в работе правительственной комиссии. Вместе с транзисторами шла новая физика - у нас в лаборатории были созданы первые силовые полупроводниковые вентили, разработанные методом легирования и исследования примесей в германии и кремнии.

В мае 1958 года к директору Физтеха Тучкевичу обратился Анатолий Петрович Александров, будущий президент Академии наук СССР, с просьбой разработать специальное полупроводниковое устройство для первой советской атомной подводки. Для этого предстояло создать принципиально

новую технологию и конструкцию германиевых вентилях, что и было сделано в рекордно короткие сроки.

Однажды мне в лабораторию позвонил заместитель Предсовмина СССР Дмитрий Федорович Устинов (он знал, что в Физтехе младший научный сотрудник Алферов этим занимается!) и попросил на две недели ускорить выполнение задания. Я снова, как когда-то, на два месяца переехал в институт, и уже в октябре 1958 года устройства были установлены на подводной лодке. Полученный в 1959 году за эту работу орден Знак Почета - первая и одна из самых ценных для меня наград.

По ходу решения задачи пришлось не раз съездить в Северодвинск. Моряки мне рассказывали, что заместитель главкома ВМФ Деревянко, когда ему доложили, что теперь на подлодке стоят германиевые вентили, поморщился и недовольно спросил: «Что, отечественных не нашли?».

Эта фраза вошла в анналы Северного флота. Много лет спустя, в 1994 году, на поминках по Анатолию Петровичу Александрову в Курчатовском институте один вице-адмирал, в молодости служивший на первой АПЛ, подтвердил мне, что именно так все и было.

«Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!»

В июне 1971 года в Ленинград приехал президент АН СССР академик Мстислав Келдыш. Мне передали, что на второй день его пребывания запланирован визит в Физико-технический институт, в том числе и в мою лабораторию. Как-нуну я поехал в ЛЭТИ, накопились текущие дела на одной из кафедр. Вдруг звонит помощница директора Физтеха: «Жорес, у нас Келдыш, идет к Вам в лабораторию». Значит, что-то изменилось в его расписании, о чем меня в институте не предупредили. Как, почему, рассуждать было некогда, я прыгнул в свой 412-й «Москвич» и со скоростью 100-120 км в час помчался в Физтех.

План города представляете. На повороте с Новороссийской улицы на Институтский проспект меня обгоняет такси, из него выскакивает разъяренный капитан ГАИ: «Ваши права!». Видимо, зафрахтовал машину с шашечками, чтобы задержать злостного нарушителя. Я ему объясняю, что, понимаете ли, меня ждет президент Академии наук СССР. Гаишник с издевкой: «Президент подождет» - и пробивает мне дырку в правах и уезжает на том же

такси.

Я прыгаю в свой «Москвич» и снова жму на газ. Приезжаю в институт, влетаю в свой кабинет на пятом этаже... И только тут перевожу дыхание. Едва успеваю сесть за стол, входят Келдыш, вице-президент Миллионщиков, Овчинников, главный научный секретарь Скрябин, другие члены Президиума. Вся научная элита страны заполняет мой кабинетик. Последним появляется запылавшийся директор Физтеха Владимир Максимович Тучкевич - он отправил гостей на лифте, а сам бежал по лестнице. «Жорес, у Вас три минуты», - говорит директор. Значит, так у них было расписано. Ну, ладно. Я вежливо поздоровался с президентом Академии наук. Учиво спрашиваю: «Мстислав Всеволодович, как доехали до Ленинграда?» - «Хорошо». - «Как самочувствие?» - «Спасибо, в норме», - спокойно отвечает он. - «Разрешите пожелать, чтобы и дальше все у Вас было в порядке, глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!» - «Больше Вы ничего не хотите сказать?» - «А что еще можно сказать за три минуты?» Он посмотрел на меня очень внимательно: «Жорес Иванович, у Вас столько времени, сколько Вы считаете нужным».

Келдыш провел в нашей лаборатории два с половиной часа. Я ему продемонстрировал лазеры на гетероструктурах, солнечные батареи, подробно рассказал о наших работах. Он задал массу вопросов. Разумеется, я знал, что область его научных интересов вовсе не физика полупроводников, а прикладная математика. Но, благодаря необычайно широкому кругозору и высокому интеллекту, он мог разбираться в «неродной» тематике. Он умел ухватить суть, выявить самое важное. Качество необычайно ценное для научного руководителя высокого ранга, позволяющее на ранней стадии поддерживать перспективные исследования.

Понятно, что его программа в тот день полетела кувирком, но он же сам на это пошел! Мы с ним тепло попрощались, я раскланялся с его свитой. При этом Георгий Константинович Скрябин со значением сказал: «Жорес Иванович, далеко пойдете». Шутка ли, президент Академии провел два с половиной часа в лаборатории рядового доктора наук.

Но я запомнил эту встречу на всю жизнь не только потому, что сам Келдыш уделил мне столько времени, но еще и по тому, какие вопросы он задавал.

С Президентом РФ Д.А.Медведевым.

С В.В.Путиним.

«Физик? Проходите!»

В Америке я был не менее 50 раз, уже перестал считать. Но особенно запомнились первые поездки, состоявшиеся в разгар холодной войны.

В августе 1969 года я участвовал в международной конференции по люминесценции в США, впервые как приглашенный докладчик, чем целиком обязан был рекомендации замечательного венгерского физика, основателя Европейского физического общества профессора Бели Сигети. Делегация Академии наук состояла из шести человек и оформлялась - тогда это чисто делали - по линии научного туризма.

Я бы отказался, поскольку поездка стоила порядка 700 рублей, а зарплата моя была 400 рублей, но вице-президент АН Борис Павлович Константинов, тогда уже тяжело болевший, позвал меня в свой кабинет: "Жорес, твои работы по гетероструктурам очень перспективные, нужно, чтобы о них узнали за рубежом. Постараюсь, чтобы тебе по крайней мере оплатили дорогу".

Все равно в последний момент поездка чуть не сорвалась. Заболела сотрудница московского Интуриста, которая должна была нас сопровождать. Заменить ее мог один из членов делегации с хорошей анкетой и знанием английского языка. Выбор пал на меня, и я таким образом бесплатно побывал в США за счет Интуриста.

Конференция проходила в университете Ньюарка, штат Делавэр. По прилету в Нью-Йорк в аэропорту Кеннеди мне, единственному из нашей делегации, таможенник велел открыть чемодан. Там лежали три поллитровые бутылки водки, а ввозить разрешалось две. Он посмотрел на меня и спросил: "Are you physicist?" Я ответил: "Yes". Он улыбнулся: "OK. Let's go". Так что впервые уважение к советским физикам я почувствовал уже на границе.

Мой доклад о полупроводниковых лазерах на гетероструктурах, работающих при комнатных температурах, произвел на участников впечатление разорвавшейся бомбы. Потому что мы оказались впереди американцев в этой области по меньшей мере на год. Профессор Джейкоб Панков, незадолго до моего доклада известный меня, что, к сожалению, мой визит в их лабораторию невозможен, сразу после доклада сообщил, что разрешение получено и компания ждет меня. Я не отказал себе в удовольствии ответить, что теперь у меня нет времени, поскольку IBM и Bell Telephone ранее пригласили меня, и у меня уже все распланировано. Я действительно сразу получил массу приглашений на посещение американских фирм и научных центров. Это было международное признание наших исследований. И уже в ноябре 1970 года я отправился на шесть месяцев в одну из ведущих американских лабораторий в университете штата Иллинойс как visiting scientist.

Почтовая марка Республики Конго, посвященная Ж.И.Алферову.

«Хорошая фамилия Громыко»

Столичный город Бразилиа произвел на меня большое впечатление. И очень понравился наш советский посол. Дмитрий Александрович Жуков рассказал, что в "прошлой жизни" он - кандидат технических наук, заведующий лабораторией Центрального котлотурбинного института имени Ползунова. ЦКТИ расположен по соседству с Физико-техническим институтом, и Жуков по своей довоенной работе неоднократно бывал в Физтехе, в том числе у академика Иоффе. В 1939 году, когда наркомом иностранных дел после Литвинова стал Вячеслав Михайлович Молотов, наш дипломатический корпус обновлялся, прежде всего за счет научных сотрудников, знавших иностранные языки. Жуков попал в этот довоенный призыв и стал дипломатом. Разумеется, прежде чем возглавить наше посольство в Бразилии, он прошел, как положено, все ступеньки карьерной лестницы.

Выяснилось, что супруга Жукова родом из моей родной Белоруссии, что еще больше подогрело взаимную симпатию. Посол раскрыл мне секрет восхождения своего шефа Андрея Андреевича Громыко. Кстати, он тоже мой земляк! Если быть точным, работавший со всеми генсеками ЦК КПСС от Сталина до Горбачева, известный на Западе как "Мистер Нет", пиком карьеры которого была президентская должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, - уроженец деревни Старые Громыки Гомельского уезда Могилевской губернии.

Как раз когда обновлялся дипкорпус, товарищ Молотов со списками кандидатов на дипломатическую работу пришел к товарищу Сталину. Был в том списке и Громыко, в то время ученый секретарь Института экономики Академии наук СССР, а перед этим - доцент в Минском лесотехническом институте по кафедре политекономии. Вообще он закончил Минский сельхозинститут и аспирантуру Института сельского хозяй-

ства. Сталин просматривал список и, дойдя до фамилии Андрея Андреевича, сказал с характерным акцентом "Хорошая фамилия Громыко!".

После этого все новобранцы дипкорпуса получили скромные должности, поехали третьими секретарями посольств, а Громыко почти сразу стал советником нашего посольства в США и (в 34 года!) - послом. "Видимо, благодаря фамилии как-то угадал его способности Сталин", - заключил Жуков.

С подкупающим тактом (А.П.Александров)

В 1946 году Капицу на посту директора созданного им института вынужденно сменил другой выдающийся питомец «детского сада папы Иоффе» - Анатолий Петрович Александров. Разумеется, А.П. всеми силами противился этому, но... Однажды в откровенной беседе он рассказал мне, как все происходило. О выборах директора, полагающихся в академической среде, не было и речи. Александрову стало известно, что на его кандидатуре настаивает Берия. А.П. выпил для храбрости 50 грамм, плеснул водки себе на пиджак и пошел отказываться. Он сказал, что, в отличие от Капицы, никогда не был руководителем, организатором больших научных коллективов, занимался только своими исследованиями, а для директора института этого недостаточно, и т.д. «Перестаньте - сказал Берия, - мы все о вас знаем. Мы знаем даже, что, отправляясь ко мне, вы хлебнули водки и остаток плеснули себе на пиджак. Вот приказ товарища Сталина о вашем назначении. Вы что, отказываетесь выполнять приказ товарища Сталина?».

«Мои сестры увлеклись спиритизмом» (А.П.Александров)

Ответственно заявляю: в период 1976-86 годов у нашей Академии был уникальный президент. Тогда мне довелось встречаться с ним и в Москве и во время его довольно ча-

стых приездов в Ленинград. Огромный авторитет ученого, инженера и государственного деятеля он в полной мере использовал для развития фундаментальных и прикладных исследований. Отмечу два особо ценных качества: в любом обсуждении проблемы вы сразу чувствовали его интерес именно к делу, без каких-либо конъюнктурных моментов. И второе. А.П. ценил в людях прежде всего порядочность, бескорыстное отношение к науке и стране, умел находить и поддерживать таких людей.

Конечно, всех нас привлекало и его неиссякаемое чувство юмора. Он мастерски, совершенно свободно вел такие солидные мероприятия, как общие собрания Академии наук и был органичен в дружеских застольях.

В начале 1980-х годов, когда в стране начали пыльным цветом расцветать всякие астрологи, экстрасенсы и парапсихологи, на общем собрании выступил известный физик Михаил Владимирович Волькенштейн. Он справедливо призывал Академию активнее бороться с лженаукой. А.П. по этому поводу заметил: "Полностью с вами согласен. Вспоминаю, как в 1916 году мои сестры увлеклись спиритизмом. В смутное время всегда расцветают такие увлечения. Мой отец на это им сказал: «Я еще готов допустить, что вы можете вызвать дух Льва Толстого или Антона Чехова. Но чтобы они с вами, дурами, по два часа разговаривали, никогда не поверю!».

В потоке поздравлений

10 октября 2000 года моя помощница в институте Наталья Эмильевна Сергеева сообщила, что звонят из Шведской Академии наук. Поскольку практически никаких отношений с этой уважаемой организацией у меня не было, определенная мысль промелькнула, но, снимая трубку, подумал: "Сегодня вторник, а о премиях по физике объявляют во вторую среду октября!"

Звонил генеральный секретарь Шведской Королевской Академии наук профессор Ерлинг Норрби. Он официально сообщил мне о присуждении Нобелевской премии по физике за 2000 год совместно с профессором Гербертом Кремером из Калифорнского университета в Санта-Барбаре и профессором Джеком Килби из Техаса. Потом заговорил мой старый добрый знакомый Герман Гримайс, член Шведской Академии. Судя по голосу, он был взволнован и расстроган до слез.

Не успел я прийти в себя, как оказался под шквалом поздравлений. Мой кабинет, приемная заполнились сотрудниками. Институт сразу перестал работать. В ход были пущены и быстро иссякли все запасы спиртного. Телефоны раскалывались, новость уже была в Интернете. Вскоре приехали журналисты - мы мало обращали на них внимания. В эти первые минуты я сказал кому-то из корреспондентов: "Будущее России не за Гусинскими и Березовскими, а за

Алферовыми и их учениками". Телевизионщики с Российского канала уговорили меня выступить в прямом эфире у них на Карповке. Но по дороге, выполняя данное ранее обещание академику Пешехонову, я заехал на конференцию в его институт "Электрприбор", где тоже не обошлось без поздравлений. В институте уже был губернатор Петербурга Яковлев, который поздравил меня от имени правительства города.

Затем я отправился в Санкт-Петербургский научный центр, поскольку генеральный консул Швеции Май Андерссон выразила желание прибыть туда и поздравить меня в такой день. И лишь к вечеру я добрался до нашей дачи в Комарово. Супруга готовила ужин, естественно, пришел сын Ваня, и Владимир Анатольевич Яковлев соседски заглянул на огонек, мы с ним снова увиделись, уже в неформальной обстановке. Губернатор, по его словам, был в курсе, что меня привлекают "какие-то гетеры на переходах", но не знал, что за это дают Нобелевские премии.

Долго не засиживались, рейсом в 8.50 я улетаю в Москву - спикер Государственной Думы Геннадий Селезнев предупредил, что я должен выступить на утреннем заседании.

Испорченный телефон

По дороге в аэропорт в машине зазвонил телефон, и девичий голос сказал, что со мной будет говорить президент России Владимир Владимирович Путин. Разговор у нас состоялся интересный: он меня слышал, я его - нет. Правда, он был далеко, в Бишкеке. Девушка на линии вмешалась: "У Вас плохо работает телефон, как доберетесь до аэропорта, мы туда позвоним".

В депутатском зале Пулково меня подзывают к телефону: "Жорес Иванович, Вам звонит президент". Я снял трубку, и получилось ровно наоборот - я его слышал, он меня нет.

Опять девушка безуспешно пыталась нам помочь. Я сказал: "Тут уже мой телефон ни при чем". Она спорить не стала: «Владимир Владимирович свяжется с вами завтра».

Я улетаю в Москву, на заседании Госдумы произнес речь, после которой на 10% были увеличены расходы на науку в бюджете следующего года. Вскоре мне сообщили, что президент прилетает из Бишкека и ждет меня на следующее утро в Кремле. И там мы услышали друг друга. Если помните, тогда в прессе активно обсуждалась ситуация с генпрокурором Устиновым, до которого-де не мог дозвониться наш президент из Испании. Скептики сомневались, что возможны такие сбои в президентской связи. Не знаю, как насчет Испании, но вот из Киргизии он толком до меня не дозвонился.

Материал подготовил
Янис КЕСИСОВ,
член Парламента Аджарской
АР (Грузия), 1996-2004гг.,
Афины.

ДЛЯ ВАШИХ ГЛАЗ

Не просто необходимость, но и модная деталь ныне солнцезащитные очки. Любопытно, но на западе они появились 200 лет назад - во Франции выпустили первые солнцезащитные очки для солдат наполеоновской армии, воюющих на территории Африки, а во время второй мировой войны очки уже официально входили в боекомплект американских моряков и летчиков. Не секрет, что в Греции солнце очень коварно, и пытаются испортить глаза и кожу вокруг них, именно поэтому для всех нас солнечные очки стали необходимостью. Если это необходимо то хотелось бы, чтобы она была и красивой, и не очень дорогой. И это возможно: специальное предложение - фирменные очки в оптике «ТΣΟΚΟΣ» по цене от 20 евро. Здесь же вы сможете купить оправы для очков от 10 евро, оправы из титана по цене от 35 евро. И, конечно, все виды контактных линз для тех, кто не хочет прятать свои глаза под оправой: ведь все люди делятся на тех, кто любит очки и тех, кто выбирает линзы. Между прочим, в книге под названием «Кодекс глаза» впервые упомянул о возможности коррекции глаза и в точности описал принцип контактной линзы, Леонардо да Винчи в

САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АФИНАХ: ОЧКИ И КОНТАКТНЫЕ ЛИНЗЫ

1508 году! Так что, надевая каждое утро линзы, мы можем вспоминать великого да Винчи... Именно для читателей газеты, предпочитающих линзы, мы, вернувшись с курсов повышения квалификации «MEMBER OF THE ASSOCIATION OF BRITISH DISPENSING OPTICIANS», предлагаем скидки на контактные линзы известных фирм «BAUSCH+LOMB», «CIBA», «SAUFLON». Пара месячных контактных линз - 7 евро, упаковка (6 штук) месячных контактных линз - 17 евро. Жидкость для контактных линз: «NOVASOFT», «RENU», «CYCLEAN» (360-380 ml) - 7-8 евро, «NOVASEPT» (360 ml) - 13 евро. Все скидки действуют два месяца. В нашей оптике вы найдете органичные контактные линзы высокой технологии, сверхтонкие (невидные) со скидкой 40-50%. **ОПТИКА «ТΣΟΚΟΣ»**
Ул.Сократус 40 & пр.Пиреос, пл.Омония (напротив Афинской «Полеодомии») Тел.: 210.52.42.444, 210.52.34.888 В нашем магазине ваши глаза увидят многое и почувствуют себя прекрасно!

